«НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЛЕЖИТ НОЧНАЯ МГЛА...»
(От автографа к поэтике)

В 2004 году в Пушкинский Дом поступил новый пушкинский автограф — стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла...».[1] Первые глухие известия о нем появились еще в 1989 году, когда его воспроизведение было напечатано в каталоге аукциона Арколь.[2] Затем автограф на какое-то время исчез из общего поля зрения, а во второй половине 1990-х годов обнаружился у живущих в Париже внуков известного пушкиниста М. Л. Гофмана,[3] которые и продали его в Пушкинский Дом. Это беловой автограф, его текст соответствует опубликованному при жизни Пушкина, неизвестных ранее вариантов он не содержит.[4] Неоспоримо ценный сам по себе,

[1] Шифр, присвоенный автографу в Рукописном отделе Пушкинского Дома: ПД 1174.

[2] Arcole: Lettres et Manuscrits: Autographes: [Catalogue des ventes]. [Paris], 1989. № 209.

[3] Владимир и Андрей Гофманы (оба — скульпторы, архитекторы и коллекционеры) приобрели автограф стихотворения в 1994 г. В. Гофман посвятил ему несколько публикаций: *Hofmann V.* «L'Ombre de la nuit repose sur les monts de Géorgie»: Anna Alexeievna Olénina a-t-elle inspiré ce poème de Pouchkine? // Alexandre Pouchkine. 1799—1837. Paris-musées / Des Cendres. 1997. P. 118—123; *Гофман В. Р.* 1) Неизвестный автограф поэта // Нижний Новгород: Литературно-художественный журнал. 1999. № 7. С. 221—227; 2) «На холмах Грузии...»: «Двойной» автограф А. С. Пушкина из альбома А. А. Олениной (?) // Пушкин и культура русского зарубежья: Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию со дня рождения: 1—3 июля 1999. М., 2000. С. 341—357; 3) Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии...» из альбома Каролины Собаньской // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 247—254. В последней из названных статей дано подробное описание автографа.

[4] Стихотворение «На холмах Грузии...» относится к числу богатых источниками текста произведений Пушкина. До появления публикаций В. Гофмана были известны его черновик в рабочей тетради Пушкина (ПД 841, л. 128 об., 128) и три беловых автографа, лишь один из которых находится в Пушкинском Доме (ПД 113). Местонахождение двух других ныне неизвестно, но, по счастью, сохранились их фотокопии. Это автограф из собрания И. Радовица в Берлинской Королевской библиотеке (напечатан: *Шляпкин И. А.* Берлинские материалы для истории новой русской литературы // Русская старина. 1893. № 1. С. 222; фотокопия — ПД, ф. 244, оп. 1. Прилож. № 13; воспроизведение: *Щеголев П. Е.* Пушкин: Исследования, статьи и материалы. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 344/345) и автограф из собрания А. Я. Полонского (напечатан: *Алексеев М. П.* Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии» // Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966. С. 33; там же на с. 34 воспроизведение рукописи; фотокопия — ПД, ф. 244, оп. 1. Прилож. № 53). Кроме того, имеются две авторизованные копии стихотворения (в Цензурной ру-

Пушкинский кабинет ИРЛИ
© М. Н. Виролайнен, 2022
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-122-133

На холмах Грузии лежит ночная мгла
Шумит Арагва предо мною
Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою —
Тобой, одной тобой ... унынья моего
Ничто не омрачит, не превозмочет
В душе моей любовь горит и любит до того
Что не любить оно не может

Improvisé par Alexandre Pouchtchine à Kamenka
en 1824.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

к творческой истории стихотворения он, казалось бы, ничего нового добавить не может. И тем не менее вновь обретенная рукопись заставляет пересмотреть некоторые традиционные точки зрения и на историю, и на природу этого поэтического текста.

Как и вся любовная лирика Пушкина, стихотворение «На холмах Грузии...», написанное во время поездки на Кавказ, между 15 и 22 мая 1829 года,[5] в течение многих десятилетий вызывало у пушкинистов горячее желание установить его адресата. Сначала предполагалось, что оно посвящено Н. Н. Гончаровой.[6] Не исключено, что опубликовавший эту версию П. И. Бартенев почерпнул ее из общения с Верой Федоровной Вяземской. Весной и в начале лета 1830 года она постоянно виделась с Пушкиным, который просил ее быть посаженой матерью на его свадьбе.[7] Один из беловых автографов «На холмах Грузии...» был записан для нее в Остафьеве, вероятнее всего, в июне 1830 года.[8] Вяземская послала текст стихотво-

---

кописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (ПД 420, л. 7) и в рукописи неосуществленного собрания стихотворений, которое готовилось в 1836 году (ПД 854, л. 4)) и две прижизненные публикации: в «Северных цветах» на 1831 г. (альманах вышел в свет 24 декабря 1830 г. — см.: *Синявский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 84—85) и в третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (СПб., 1832).

[5] Над текстом чернового автографа в рабочей тетради Пушкина (ПД 841, л. 128 об.) поставлена помета: «15 мая», которая может означать либо дату начала работы над стихотворением, либо тот день, с которым связаны отразившиеся в нем впечатления и переживания. Работа продолжена на л. 128 (в этой части тетрадь заполнялась от конца к началу), где под интересующей нас записью расположен черновик стихотворения «Калмычке», беловой автограф которого датирован 22 мая.

[6] См., например: [*Бартенев П. И.*] Из рукописей А. С. Пушкина // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 468; *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред., с примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 2. С. 66.

[7] Во второй половине марта 1830 г. Пушкин писал из Москвы Вяземскому в Петербург: «Жену твою вижу часто, т. е. всякий день» (XIV, 74).

[8] В самом начале июня Пушкин несколько дней гостил в подмосковном имении Вяземских Остафьево (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 205), где, видимо, и записал стихотворение для Веры Федоровны: на автографе, позднее попавшем в собрание А. Я. Полонского, была поставлена, а затем зачеркнута помета «[Остафьево 1830]». Реконструкцию истории автографа см.: *Алексеев М. П.* Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии». С. 38—44. По мнению ученого хранителя Пушкинского фонда Т. И. Краснобородько, зачеркнутая помета могла быть сделана рукой Пушкина, но точно атрибутировать ее по фотокопии не представляется возможным. Не располагая оригиналом автографа, нельзя определить, появилась ли помета одновременно с записью текста или позднее и когда она была вычеркнута.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

рения Марии Николаевне Волконской в Сибирь, пояснив, что оно посвящено невесте поэта.[9] (Волконской, надо заметить, оно не понравилось.)

Взгляд на адресацию стихотворения резко изменился после того, как в 1903 году был прочитан его черновик:[10] оказалось, что в нем после уже известных восьми стихов имеется обширное продолжение, в котором развивается отсутствующая в печатном тексте тема давней, но вновь вспыхнувшей любви.[11] Это дало пищу для

Вяземский, весной и в начале лета 1830 г. находившийся в Петербурге, познакомился со стихотворением позже жены. 2 июня этого года он писал ей: «Пришли мне на "Холмах Грузии", я их не знаю» (*Боровкова-Майкова М. С.* П. А. Вяземский. Письма к жене за 1830 год // Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М., 1936. Т. 6. С. 263).

[9] Письмо Вяземской не сохранилось, его содержание устанавливается по ответному письму Волконской от 19 октября 1830 г. (см.: *Султан-Шах М. П.* М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 262—263). Существует некоторая вероятность, что Вяземская послала в Сибирь тот самый автограф, который впоследствии попал в собрание Полонского. Н. Г. Щеглова передает его рассказ о том, как автограф мог оказаться в Париже: «...часть архива Марии Волконской была переправлена в Рим, а незадолго до Второй мировой войны особняк Волконских в Риме был куплен немцами, и часть вещей оттуда пошла с молотка» (*Щеглова Н. Г.* Сохранить для потомков. М., 1988. С. 150). Необходимо, однако, отметить, что в целом текст, записанный Щегловой, страдает неточностями.

[10] Черновой автограф видел и Бартенев: в указанной выше публикации в «Русском архиве» 1881 года он привел две его строки, но, видимо, не смог разобрать черновик целиком. В 1884 году В. Е. Якушкин опубликовал первые три его строки, содержавшие существенные отличия от печатных, и сопроводил их пояснением: «и т. д. — как напечатано. <...> кроме восьми строчек было еще столько же, но все исчеркано» (*Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 11. С. 371). «Исчерканные» строки прочел (правда, с большими неточностями) И. А. Шляпкин (см.: *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 7—8). Обстоятельная транскрипция и анализ черновика появились только в 1931 году (см.: *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 18—26).

[11] Привожу по верхнему слою чернового автографа редакторскую сводку двух строф, следующих за первыми восемью стихами:

[Прошли за днями дни — — сокрылось много лет
Где вы, бесценные созданья
Иные далеко Иных уж в мире нет —]
Со мной одни воспоминанья

Я твой по-прежнему тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний
Как пламень жертвенный чиста моя любовь —
И нежность девственных мечтаний

появления новых гипотез. П. Е. Щеголев первым заявил о том, что стихотворение не могло быть связано с Гончаровой, в отношениях с которой «еще не было прошлого», и, оставив вопрос открытым, заметил, что он «представит немало затруднений для биографов».[12] Позже, однако, сам Щеголев данное затруднение с уверенностью разрешил, выдвинув версию, что стихотворение посвящено Марии Николаевне Раевской (Волконской),[13] которая, по его глубокому убеждению, была «утаенной любовью» Пушкина.[14] На эту версию ученого натолкнуло опубликованное в 1905 году наблюдение Е. Г. Вейденбаума, сопоставившего два пушкинских автографа: черновик стихотворения с пометой «15 мая» и сделанную в тот же день дневниковую запись, в которой Пушкин описывает новые дорожные впечатления, вспоминая, как в 1820 году он путешествовал в тех же местах с семейством Раевских.[15] Обнаружив, что детали прозаического и поэтического текста перекликаются друг с другом,[16] исследователь справедливо предположил, что оба они вызваны одним и тем же комплексом мыслей и переживаний, которые он, впрочем, связал не с Марией, а с Еленой Раевской. Однако выводы Щеголева, сделанные из наблюдений Вейденбаума, оказались более убедительными, и гипотеза об адресации Марии Раевской была принята многими исследователями и комментаторами.[17] В то же вре-

---

[12] *Щеголев П. Е.* Заметки о Пушкине // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 4. С. 378—379.

[13] См.: *Щеголев П. Е.* Заметки к тексту Пушкина // Щеголев П. Е. Пушкин: Исследования, статьи и материалы. С. 344—346.

[14] См.: *Щеголев П. Е.* Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Там же. С. 150—254.

[15] См.: *Вейденбаум Е. Г.* Пушкин на Кавказе в 1829 году // Русский архив. 1905. № 4. С. 676—677.

[16] Ср. варианты чернового автографа: «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла / Восходят звезды надо мною» (III, 722) и дневниковую запись: «Я поехал обратно в Георгиевск — берегом быстрой Подкумки. Здесь бывало сиживал со мною Н<иколай> Р<аевский> молча прислушиваясь к мелодии волн — Я сел на облучок и не спускал глаз с величавого Бешту уже покрывавшегося вечернею тенью. Скоро настала ночь — Небо усеялось миллионами звезд — Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении окруженный горными своими Вассалами. Наконец он исчез во мраке» (VIII, 1031).

[17] См., например: *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 372; *Цявловская Т. Г.* Мария Волконская и Пушкин: (Новые материалы) // Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1966. Т. 1. С. 66—68; Утаенная любовь Пушкина. СПб., 1997. С. 159 (примеч. Я. Л. Левкович); *Доброхотов В. И.* «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»: Об одной черновой редакции // Московский пушкинист. М., 2001. Вып. 9. С. 164—169; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 768 (коммент.

мя в ответ на вызов Щеголева, сделанный в 1903 году, появились и другие версии. Так, П. О. Ефремов назвал адресатом чернового текста Екатерину Ушакову, Ю. Н. Тынянов — Екатерину Карамзину, Е. А. Зингер — Амалию Ризнич,[18] В. Г. Гофман во всех своих указанных выше работах — Анну Оленину.

Большинство биографических версий опиралось на представление о том, что в черновике было четыре строфы, лишь две из которых легли в основу печатного текста. Это не вполне корректно. На некотором этапе работы в черновом автографе действительно имелись четыре строфы, но затем Пушкин вычеркнул чернилами третью из них, а спустя какое-то время — карандашом вторую. Бонди считал, что оставшиеся после этой правки первая и четвертая строфы представляют собой «вполне законченный» вариант стихотворения.[19] Однако на обороте листа с этой частью черновика было намечено продолжение работы: здесь набросана еще одна строфа, оставшаяся незавершенной и незачеркнутой. Пушкин даже начал было вслед за ней следующее четверостишие, но от него осталось только одно зачеркнутое слово.[20] Эта запись, расположенная на л. 128, судя по палеографическим данным (более толстое перо), была сделана не одновременно с основным черновиком, но в какие-то ближайшие дни — во всяком случае, до 22 мая.[21]

М. А. Цявловского); *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 578—579 (примеч. Т. Г. Цявловской).

[18] См.: *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 304; *Тынянов Ю. Н.* Безыменная любовь // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 231—232; *Зингер Е. А.* «Я твой по-прежнему...» // Московский пушкинист. М., 2005. Вып. 11. С. 124—131.

[19] *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина. С. 28.

[20] Привожу редакторскую сводку по верхнему слою автографа:

И чувствую — душа в сей <*нрзб*> час
Твоей любви тебя достойна —
Зачем же не всегда < >
Чиста, печальна и спокойна

[Но]

[21] См. выше примеч. 5. Бонди, разумеется, видел продолжение автографа на л. 128. Как самостоятельный набросок его опубликовал еще В. Е. Якушкин (см.: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. С. 371), на его связь со стихотворением указал И. А. Шляпкин (см.: *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. С. 8). Бонди привел этот черновой фрагмент в книге 1931 года — но как лишь предположительно относящийся к работе над стихотворением (см.: *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина. С. 29). Так же он охарактеризовал этот фрагмент и в академическом издании (см.: III, 724, 1180). Точка зрения исследователя, как кажется, объяснялась его желанием увидеть в черновом тексте завершенное произведение: новая строфа, набросанная на л. 128, мешала такой трактовке.

Описанный ход черновой работы говорит о том, что Пушкин несколько раз принимался за стихотворение, неоднократно менял его состав и композицию, но окончательного решения на этом этапе так и не принял.

Печатный текст по сравнению с черновиком не только сократился в объеме — изменился сам лирический сюжет: в нем больше не звучала тема воспоминаний и заново переживаемой давней любви. Это требовало объяснений — и они были даны. Выдвинул их с известной осторожностью С. М. Бонди: «Можно сделать довольно вероятное, как мне кажется, предположение о том, почему он не печатал окончание стихотворения. Только что добившемуся руки Натальи Николаевны жениху-Пушкину, вероятно, не хотелось опубликовывать стихи, написанные в разгар его сватовства и говорящие о любви к какой-то другой женщине ("Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь"). В напечатанных же первых двух строфах этот мотив — новое возвращение прежнего чувства ("И сердце вновь горит и любит оттого") — настолько незаметен, что комментаторы, не знавшие "продолжения отрывка" (да и современники Пушкина, его знакомые), нередко относили стихи к самой Гончаровой. Не исключена возможность также, что те же соображения — опасения каких-нибудь конкретных применений — заставили Пушкина изменить первые два стиха и перенести место действия в Грузию».[22] Приведенный пассаж Бонди заключил словами: «Впрочем, настаивать на этом мы не станем — возможно, что мотивы этих изменений у Пушкина были чисто художественные».[23] Однако версия была принята исследователями как вполне достоверная. На ее справедливость указала М. П. Султан-Шах,[24] ее поддержал своим авторитетом М. П. Алексеев,[25] Н. В. Измайлов привел ее уже в качестве факта.[26]

---

[22] *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина. С. 27.

[23] Там же.

[24] См.: *Султан-Шах М. П.* М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 гг. С. 265—266.

[25] «С. М. Бонди был безусловно прав, догадываясь о причинах того, почему продолжение стихотворения осталось незаконченным» (*Алексеев М. П.* Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии». С. 45).

[26] См.: *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 221—222. Показательно, что при первой публикации этой работы, осуществленной до выхода в свет статьи М. П. Алексеева, Измайлов говорил о том же с куда меньшей определенностью и уверенностью (см.: *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 12).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Между тем эта биографическая гипотеза нуждается в хронологической верификации: действительно ли печатная редакция стихотворения возникла после того, как Пушкин стал «добившимся руки Натальи Николаевны женихом»? Напомним, что его вторичное предложение было принято 6 апреля 1830 года, а помолвка состоялась через месяц, 6 мая.[27]

Все четыре названных выше беловых автографа «На холмах Грузии...», за исключением небольших отличий, совпадают с редакцией, опубликованной Пушкиным в «Северных цветах» и перепечатанной затем в «Стихотворениях» 1832 года. Три из них, бывшие в поле зрения пушкинистов до публикаций В. Гофмана, версии, предложенной Бонди, не противоречат. Автограф, хранившийся в собрании А. Я. Полонского, датируется, как уже говорилось, июнем 1830 года.[28] Автограф ПД 113 относится к числу болдинских рукописей 1830 года и записан 21 сентября.[29] Таким образом, оба эти беловика действительно возникли после того, как Пушкин стал женихом. Что же касается третьего, хранившегося в собрании И. Радовица, то он не противоречит обсуждаемой гипотезе просто потому, что датирующих признаков не содержит.

Хронологическую картину резко меняет автограф из собрания Гофманов. Как установил его первый публикатор, пользовавшийся консультациями Т. И. Краснобородько, автограф находится на листе, вырезанном из альбома Каролины Собаньской. Под текстом Пушкина — сертифицирующая запись, сделанная ее рукой: «Improvisé par Alexandre Pouchtchine à Pétersbourg en 1829».[30] Дата, указанная в сертификации, не вызывает сомнений: зимой

---

[27] Надежду на благоприятный исход сватовства Пушкин мог получить раньше — в январе или феврале 1830 г., узнав от И. Д. Лужина, что Н. Н. и Н. И. Гончаровы благосклонно отзывались о нем (см.: *Вяземские П. А., В. Ф.* Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 160; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 147).

[28] См. выше примеч. 8.

[29] Этим числом помечено записанное одновременно с ним на том же листе стихотворение «К бюсту завоевателя» (см.: Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / Сост. Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотова. СПб., 2021. С. 56. (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35)).

[30] «Импровизировано Александром Пушкиным в Петербурге в 1829 году» (*франц.*). На обороте листа был приклеен ныне утраченный рисунок, осталась лишь обведенная вокруг него рамка, а под ней — сертификация, также сделанная рукой Собаньской: «Donné par le baron Kulmer, comme de son ouvrage en 1829» («Подарено бароном Кульмером как его работа в 1829 году» — *франц.*). См.: *Гофман В. Р.* Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии...». С. 248—251.

1829/1830 годов. Пушкин, после возвращения из кавказского путешествия приехавший в Петербург 9 или 10 ноября 1829 года, общался с Собаньской и 5 января 1830 года записал в ее альбом стихотворение «Что в имени тебе моем?..».[31] Рядом с текстом — помета ее рукой: «Par Alexandre Pouchkine à qui je demandais d'écrire son nom sur une page de mon livre de souvenirs. 5 Janvier 1830 à Pétersbourg».[32]

Таким образом, свой окончательный вид стихотворение получило не позднее декабря 1829 года, когда никаких определенных надежд на брак с Гончаровой у Пушкина не было, и следовательно, вовсе не положение жениха побудило его исключить тему воспоминания о былой любви. Заметим, что эта тема была бы вполне уместна в тексте, записывавшемся для Собаньской, отношения с которой завязались еще в южной ссылке. Однако независимо от тех или иных биографических обстоятельств уже зимой 1829 года стихотворение состояло из восьми строк.

Автограф из собрания Гофманов со всей очевидностью свидетельствует о том, что мотивы осуществленных к этому времени изменений надо искать не в биографии Пушкина. Думается, их надо искать в области поэтики.

Стихотворение было впервые напечатано в 1830 году в «Северных цветах» под заглавием «Отрывок».[33] Оно исчезло из современных изданий в силу неправомерных, как представляется, редакторских решений,[34] а потому осталось неведомым для большинства

---

[31] Под текстом помета: «5 янв<аря> 1830. С. Пб.». Описание автографа см.: *Базилевич В. М.* Автограф «Что в имени тебе моем?» // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 878—879. Воспроизведение: Там же. С. 877. Лист, по-видимому, вырезан из одного альбома и вклеен в другой, ныне хранящийся в Пушкинском Доме (ПД 913, л. 79).

[32] «Сочинено Александром Пушкиным, которого я просила написать свое имя на листке моего альбома. 5 января 1830 года в Петербурге» (*франц.*).

[33] То же заглавие — в болдинском автографе ПД 113.

[34] Отсутствие этого заглавия в современных изданиях объясняется тем, что за «последнюю авторскую волю» была принята публикация в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1832 г., где оно фигурирует только в оглавлении. Однако по авторизованной копии в Цензурной рукописи сборника (см. ее полистное описание: АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 448—453) видно, что это решение было принято вовсе не Пушкиным, а готовившим издание П. А. Плетневым, который аналогичным образом представил здесь целый ряд заглавий (а также подзаголовков) других стихотворений. Когда в 1836 г. Пушкин просматривал копии, изготовленные для нового (неосуществленного) собрания стихотворений, он кое-где менял или вписывал заглавия и подзаголовки (полистное описание этой рукописи см.: АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 363—370). В копию «На холмах Грузии...» заглавие «Отрывок» тогда вписано не было, но принять это за «последнюю волю автора» было бы опрометчиво: вмешательство Пушкина в рукопись издания, оставшуюся

Пушкинский кабинет ИРЛИ

читателей XX века и не замеченным некоторыми исследователями. Такие ученые, как Бонди или Алексеев, конечно, мимо заглавия «Отрывок» не прошли. Но Бонди, увлеченный биографической трактовкой стихотворения, считал, что оно указывает на «композиционную незаконченность» печатного текста, который представляет собой «извлечение, отрывок более крупного написанного или ненаписанного произведения».[35] Алексеев, также поддавшийся обаянию биографической гипотезы, писал, что «вопросы о том, почему "Отрывок" остался неоконченным, почему замысел в целом остался невоплощенным <...> остаются неясными».[36]

Как бы ни были авторитетны их мнения, они безусловно нуждаются в возражении. Во-первых, потому, что пушкинское заглавие «Отрывок» определяет такую жанровую форму, которая обладает художественной завершенностью.[37] Во-вторых, потому, что именно выбором этой формы, а вовсе не биографическими обстоятельствами объясняется главный поворот в творческой истории произведения.

не полностью сформированной, носило эпизодический характер. В двух первых посмертных изданиях сочинений Пушкина (*Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1838. Т. 4. С. 299, 332; *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2. С. 479, 550) заглавие исчезло как из текста, так и из оглавления. В позднейших собраниях сочинений XIX в. оно было восстановлено непосредственно в тексте, однако в издании, подготовленном как приложение к журналу «Красная нива», стихотворение вновь было напечатано в основном корпусе без заглавия (см.: *Пушкин А.* С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 65). В так называемом «большом академическом» собрании сочинений его поместили в раздел «Другие редакции и варианты» (см.: III, 724, 725), а в изданиях, печатавших тексты на его основе, но не включавших этот раздел, оно закономерно пропало. Однако авторское заглавие (или подзаголовок) — и в этом, и во многих других случаях — является не вариантом текста, а его неотъемлемой частью. Принимая свое издательское решение, Плетнев, по-видимому, трактовал оглавление именно как часть авторского текста, каковой в современных изданиях, снабженных исследовательским / издательским аппаратом, оно не является. Вопрос о неправомерности исключения из основного корпуса пушкинских текстов тех заглавий и подзаголовков, которые Плетнев перенес в оглавление, уже поднимался — в частности, в докладе, еще в 2013 г. прочитанном А. Ю. Балакиным на XLI Болдинских чтениях (см.: *Sadzińska E.* XLI Международная научная конференция «Болдинские чтения» // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2013. № 6. С. 120). Рассмотрение этого вопроса, имеющего принципиальное значение, требует специально посвященной ему статьи.

[35] *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина. С. 10.

[36] *Алексеев М. П.* Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии». С. 46.

[37] Об этой форме в творчестве Пушкина см.: *Сандомирская В. Б.* «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 69—82.

На Кавказе в мае 1829 года Пушкин начал писать постепенно увеличивавшуюся в своем объеме типичную элегию, с характерным для этого жанра лирическим сюжетом, построенным на мотивах быстротечности времени, бренности бытия, воспоминания как воскрешения прошлого. Не позднее декабря 1829 года он принял иное жанровое решение и придал стихотворному тексту поэтическую форму, воспринятую под впечатлением творчества Андре Шенье, — форму элегического отрывка, или фрагмента, как она называлась в посмертном издании Шенье, подготовленном А. де Латушем.[38] Возможно, с этим решением были связаны и вычеркивания строф в черновом автографе.

Главная особенность формы «отрывка» («фрагмента») заключалась в том, что его поэтическая природа сближалась с антологической лирикой, с античной эпиграммой. В хорошо известной Пушкину брошюре Уварова и Батюшкова «О греческой антологии» (СПб., 1820), служившей для него, как и поэзия Шенье, источником представлений об антологической лирике, говорилось: «Под именем Антологии разумеем мы собрание мелких стихотворений, включая в сие число надписи и лирические отрывки».[39] Открытие Шенье заключалось в том, что его фрагменты могли заключать в античную форму элегическое содержание, разработанное современной поэзией. Это имело для него программное значение. В поэме «Замысел» («Invention») выражен его знаменитый призыв: «Мысль нашу облечем античными стихами» («Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques»).[40]

«Фрагменты» Шенье привлекли Пушкина еще в период южной ссылки. Теперь, в конце 1829 года, он дважды обращается к этому жанру: заглавие «Отрывок» появляется в болдинском беловом автографе «На холмах Грузии...» 20 или 21 сентября этого года, а 23 декабря того же года пишется черновик стихотворения «Поедем, я готов: куда бы вы друзья...», при первой публикации получившего заглавие «Элегический отрывок».[41]

---

[38] *Chénier A.* Œuvres complètes. Paris, 1819. Пушкин не знал о некотором самоуправстве Латуша, который перевел в разряд фрагментов ряд не являвшихся таковыми идиллий и элегий Шенье (см.: *Гречаная Е. П.* Андрей Шенье — поэт // Шенье А. Сочинения 1819. М., 1995. С. 419, 499, 515. («Лит. памятники»)).

[39] «Арзамас»: Сб. в 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 101.

[40] *Шенье А.* Сочинения 1819. С. 20; *Chénier A.* Œuvres complètes. P. 7.

[41] Под текстом чернового автографа «Поедем, я готов...» — дата «23 дек<абря>» (ПД 841, л. 26); впервые стихотворение опубликовано в «Московском вестнике» (1830. Ч. 3. № 11. С. 194—195) с пометой под текстом: «23 декабря 1829». Заглавие «Элегический отрывок» исчезло из современных

Пушкинский кабинет ИРЛИ

История восприятия стихотворения «На холмах Грузии...» показывает, что вместе с заглавием из общего поля зрения исчезло акцентированное Пушкиным авторское указание на его жанровую принадлежность.[42] В научной литературе стихотворение устойчиво именуется элегией, в то время как итогом его творческой истории стало превращение этого поэтического текста из элегии в образец антологический лирики, элегический субстрат которого был узаконен творчеством Шенье. В цитированной уже брошюре Уварова и Батюшкова об античной эпиграмме сказано: «Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и не кончена... как звук, вдали исчезающий».[43] Это и есть жанровый ключ к восприятию восьмистишия «На холмах Грузии лежит ночная мгла...».

М. Н. Виролайнен

изданий по тем же причинам, по каким лишилось своего заглавия стихотворение «На холмах Грузии...».

[42] Особая значимость этого указания следует из наблюдений В. Б. Сандомирской, подчеркнувшей, что, восприняв форму «отрывка», «фрагмента» как жанровую разновидность, «Пушкин в печати пользовался ею очень редко. <...> В журнальной публикации с такой пометой (“Антологический отрывок”) появилась лишь полная редакция “Идиллии” (“Подруга милая, я знаю отчего”). В сборнике 1826 года эту помету находим только в одном стихотворении — элегии XV (“Ненастный день потух”), а в “Стихотворениях Александра Пушкина” в четырех частях (СПб., 1829—1835) — лишь в оглавлении третьей части при следующих трех стихотворениях: “На холмах Грузии лежит ночная мгла. Отрывок”, “Поедем, я готов. Элегический отрывок” и “Каков я прежде был. Отрывок из Андрея Шенье”» (*Сандомирская В. Б.* «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов. С. 80).

[43] «Арзамас». Кн. 2. С. 102.

СТИХИ «НА СЛУЧАЙ» КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТОПИКИ

О послании А. С. Пушкина «<Н. Д. Киселеву>»

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но Север забывать грешно.
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

(III, 111)

© Е. В. Кардаш, 2022
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-133-147